

Виль Владимирович Липатов

Письма из Тольятти

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В46

В46 **Виль Владимирович Липатов**
Письма из Тольятти / Виль Владимирович Липатов – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 51 с.

ISBN 978-5-458-04110-2

ISBN 978-5-458-04110-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Виль Владимирович
Липатов
ПИСЬМА ИЗ ТОЛЬЯТТИ

Письмо первое

РАБОЧИЙ

Вот что я слышал на Волжском автомобильном заводе от рабочего главного конвейера Андрея Андреевича Зубкова.

Отцы и дети. Ну, меня молодым назвать нельзя: мне двадцать семь, большинству ребят в бригаде едва перевалило на третий десяток, а Косте Варенцову три недели назад стукнуло... девятнадцать! Двадцать один, двадцать два года – для конвейера самый типичный возраст, а я скоро заочно политехнический институт кончаю, из рядов Его Величества рабочего класса могу в инженеры... Нет, вопрос ваш я понял: «Чем интересен сегодняшний молодой рабочий, что его отличает от вчерашнего?» Я вас, пожалуй, огорошу парадоксом, если скажу, что слово «молодой» вы употребляете напрасно. Почему?.. Нет, я не вашему вопросу улыбаюсь, а воспоминанию. Был я нынче дома, родителей ездил навестить, и вот отец как-то вполне серьезно у меня спрашивает: «Андрей, лозунг читал?» – «Какой лозунг, отец?» – «А такой, – отвечает: – „Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым!“ – И глядит сердито, исподлобья: – А нас куда, спрашивается? Старших возрастом куда? Нам коммунизм возводить не разрешается?..» Ну, отец есть отец, ему я по-сыновьи ответил: «Всем места хватит – старым и молодым», – а вам говорю так: слово «рабочий» ныне имеет нередко синоним молодой, и если не единственный, то уж непременно – главный. И хочется при этом заметить – заранее прошу прощения, – что литература, на мой взгляд, это обстоятельство просмотрела, что литература по-прежнему живет еще образом того рабочего, который мог бы быть и не молодым. В литературе, на мой взгляд, образовался некий вакуум.

Вакуум. О вакууме в литературе можно говорить только в том случае, если мы разберемся в терминологии. Скажите, пожалуйста, можно и нужно ли называть рабочим наладчика? Да, того самого человека, который за станком уже не стоит, в работе конвейера ежесекундного участия не принимает, а сидит себе на стуле, время от времени прислушиваясь, как звучит работающая наи-сложнейшая автоматическая линия, скажем, по обработке блока цилиндров; время от времени лениво проходит вдоль этой линии, поглядывая на сотни мерцающих индикаторов, стрелок, указателей? Он кто? Рабочий? Инженер?.. Вы скажете: «Рабочий!» – когда увидите, как наладчик с ключами и отвертками возится с закапризничавшей автоматической линией, но через полчаса заявите: «Инженер!» – так как

наладчик снова безмятежно сидит на стуле и перелистывает книгу с таким мудреным техническим названием, которое и прочесть-то с ходу трудно... Вот-вот! Это новый рабочий, рабочий-интеллигент, и таких становится все больше. Здесь-то в литературе и образовался вакуум, так как литература, мне думается, пропустила наиважнейший для современности процесс. Формирование рабочего-интеллигента скажем наладчика. Хорошо! Давайте вспоминать вместе. Где? В какой книге? Какого автора? Герой – наладчик? Трижды убежден, что сейчас, когда в стране разворачивается научно-техническая революция такой силы и значимости, что ее последствия трудно предугадать, постепенно складывается следующая расстановка сил... В двадцать пять лет – рабочий, в тридцать – наладчик, рабочий-интеллигент, после тридцати – нередко инженер... Сегодня это типично для такого предприятия, как наш завод и многие другие предприятия, завтра – общее явление.

Предшественники. Герой, героическое... Вы не задумывались над тем, насколько было легче, чем нам, сделаться героем рабочему всего пятнадцать-двадцать лет назад?... Головастый, энергичный и добросовестный парнишка заканчивал ремесленное училище, приходил на завод, становился к токарному станку ДИП-200. Неделю, месяц, полгода обрабатывал он какую-нибудь втулку, а потом однажды замечал, что втулку можно обработать быстрее, если установить на станок простенькую, как грабли, оправку. На огрызке бумаги плохоньким карандашом он рисовал не то скобу, не то шнеллер, озабоченно почесав в затылке, шел к соседу по станку. «Дядя Вася, – говорил парнишка. – Ты вот погляди, дядя Вася, на эту штуковину!» А дяде Васе лет под шестьдесят, он, дядя Вася, он – потомственный рационализатор... «Молодца, Петька, – говорил дядя Вася. – Молодца! А ну, шпарь-ка со своей оправкой в БРИЗ!» И шел мой предшественник со своей скобой в бюро по рационализации и изобретательству, демонстрировал свою оправку и... В газетах о нем пишут! На Доске почета он висит! И уже ходит вокруг Петьки ваш брат-писатель, высматривая в нем черты для героя своей будущей книги... Все это было естественно, правильно, необходимо, но теперь-то, сегодня, мы понимаем, что эти события могли происходить только в условиях технически несовершенного производства. Петька, собственно, изобретал велосипед, но он был силой активной, нужной и, следовательно, героической... И ваш коллега-писатель по-своему был прав, когда делал Петьку героем книги, когда писал: «Та заводская проходная, что в люди вывела меня...» У нас, рабочих середины семидесятых годов, положение другое. Многое

изменилось, происходит известная переоценка ценностей... Герой, героическое... У японцев есть пословица: «Герой рождается, когда дует ветер». Вот мы и оказались перед вопросом: кого же можно назвать героем-рабочим сегодня, когда дует не ветер, а ураган научно-технической революции?

Герои, героическое. Согласитесь, что такой же прописной истиной, как дважды два – четыре, ныне является факт: герой – это прежде всего коллектив... Давненько что-то не слышно о новых Эйнштейнах и Ньютонах... Даже вы, писатели, спокойно называете себя «коллективным Максимом Горьким». Наука, техника так усложнились, что коренные перемены могут быть вызваны только и только усилием коллектива – отчего же нельзя предположить, что аналогичный процесс наблюдается и в среде рабочего класса?.. Вернемся к Петькиной оправке. Кто герой? Раньше – он, а теперь – мы, коллектив! Назовите нас условно Петькой, сделайте героем своей книги, но... Конечно, конечно! Здесь-то мы и натываемся на проблему из проблем – личность и коллектив. Человек среди людей! Поразмышляем, пофилософствуем, хорошо?

На одной и той же операции работает бригада из трех человек. В первой люди таковы: все учатся заочно на третьем курсе одного и того же института, играют в одной футбольной команде, живут в общежитии, все – потомственные рабочие, все – вот совпадение! – обладают ровными, веселыми, общительными характерами, все – это я довожу мысль до абсурда – любят блондинок... Вторая бригада такова: первый кончает заочно политехнический институт и занимается теннисом, второй еще учится в вечерней средней школе и ненавидит спорт, третий заочно учится в юридическом институте, из всех видов спорта признает только классическую борьбу; первый весел и общителен, второй – человек замкнутый и себе на уме, третий – степенен, солиден, честен беспредельно, работоспособен, как вол, но такой зануда, что от одного его присутствия мухи дохнут... Вот такие две бригады! Какая, на ваш взгляд, окажется более стабильной, производительной и перспективной при условии, что ребята в обеих бригадах – честные труженики? Опыт показывает, что вторая, как это ни странно на первый взгляд... Повторяю: на первый взгляд, и только на первый взгляд, так как индивидуальность всегда индивидуальность, а однообразие хорошо только в обойме патронов... Я об этом говорю так уверенно потому, что мне пришлось работать в бригаде, где ребята были одинаковы, как семечки в подсолнухе... Бригада развалилась...

Все, что я сейчас скажу, субъективно, наверняка неполно и

обидно куце, но, на мой взгляд, героем сегодняшнего дня я бы назвал человека, обладающего такими качествами... Первое и главное: умение воспринимать успех коллектива, всей страны как свой собственный успех, а свой успех без позы отдавать коллективу, стране. Второе: испытывать естественную потребность в труде, как в способе оправдания собственного существования в роду человеческом. И третье: обладать культурой, быть интеллигентом в том смысле слова, когда интеллигентность не только следствие интеллекта и эрудиции, а проявление духовности. Все другое – этого «другого» препорядочно много! – будет, мне думается, производным от трех первых величин, если выражаться математическим языком... Ну, скажем, настоящий рабочий, то есть такой, каким я его понимаю, грибной дождь от негрибного дождя отличить сумеет, ибо не хлебом единым жив человек... Что? Угадали: оче-е-ень хочется поговорить на тему – физики и лирики...

Физики и лирики. Время идет – стрелой. Кажется, совсем недавно поэт написал: «...что-то физики в почете, что-то лирики в загоне...» Не так уж, собственно, много времени прошло, а положение-то меняется, да столь быстро, что только руками развести. Сегодня ни для кого уже не секрет, что девушки при слове «физик» не вздыхают так элегически, как раньше барышни вздыхали при слове «гусар»... Да и в технических вузах заметно, что абитуриентов стало поменьше... К чему это я все говорю? Потому, что хочется еще раз обратить ваше внимание на слово «духовность». Физики и лирики... И первое, и второе – вот что характерно для современного рабочего, если говорить о лучших представителях. Грибной дождь и автоматическая линия! Одно без другого лишено смысла, ноль и нищета духа...

Деньги и гайки. Социологи сейчас уже без всяких восклицательных знаков и взрывов эмоций, как о привычном, пишут о том, что заработная плата – его преподобие рубль, – оказывается, не играет самой главной роли, когда речь заходит о том, хочет или не хочет человек работать на каком-нибудь станке... Интересность, содержательность, престижность труда – вот что, оказывается, важнее его преподобия рубля, хотя деньги – это вещь серьезная... И все-таки среди моих товарищей вы не найдете человека, который отказался бы перейти на более интересную операцию – при одинаковой степени трудности, – зная, что потеряет на этом десять-двадцать рублей... Никто и секунды думать не станет, так как это равносильно тому, что выбирать между красивой любимой девушкой и просто красивой.

Звучать гордо. Эти слова произносятся шутливо, они, когда их произносят применительно к самому себе, смешны, но... Да вы сами послушайте: «Я тоже человек и тоже хочу звучать гордо!» Нет на земле, не существует такого человека, который не хотел бы звучать гордо, и большинство людских несчастий, на мой взгляд, начинаются тогда, когда человек перестает чувствовать свое «гордое звучание»... Мы с вами говорим о рабочем, мы с вами стараемся разобраться в том, кто сегодня герой-рабочий, и нам никуда не уйти от того явления, которое философы и социологи скучновато называют престижностью труда... Я буду не только гайку крутить, я буду с голубыми глазами и счастливой улыбкой каменным топором деревья тесать, если буду знать, что мой труд нужен людям, что они без меня обойтись не могут... Я бригадиром третий год работаю, ребят в бригаде сменилось немало, разные человеческие судьбы прошли перед моими глазами – вывод серьезный: легко обмануться в человеке, если не разберешься, почему он хорошо работает. Ох, как это важно! Хорошо работает человек, а почему? Деньги, самолюбие, тщеславие, карьеризм, расчетливость? Или... Здесь ошибаться не могли, ошибка в таком деле дорого стоит, так как не того человека за героя принять можно, а уж чего хуже: карьериста в герои произвести! Этого-то ему и надо, он этого-то и добивается, он и ждал, что ему ступеньку вверх под ноги подставят... Настоящий герой хорошо работает по одной-единственной причине: для других, для всех, для социалистического общества. И главный стимул у него идейный, то есть самый высокий и благородный...

Обеденный перерыв кончается, идемте в бригаду.

Письмо второе «ЧЕТЫРЕЖДЫ КОРОНОВАННЫЙ»

Мы – я и драматург Семен Табачников – на Волжский автомобильный завод в течение нескольких недель ходим точно, как на работу. Июньские дни стоят погожие, солнце с пяти часов утра сияет электросваркой, воздух прозрачен и сух, короткая трава на территории завода нежно зеленеет.

Время – двадцать минут седьмого, и на скамейках, стульях, контейнерах расположились наши ребята... Бородатый – растительность на нем прегустая – Слава Меньшиков сидит бочком на ярко-оранжевом контейнере, в зубах дымится длинная, прямая трубка, он чему-то улыбается, поглядывая на молчащих «охариков» – так он окрестил коллег, хотя человек весьма образованный: учится заочно на втором курсе местного политехнического института.

Галина Чистова – моя землячка, забайкалка – сидит на кончике дерматиновой скамейки и сосредоточенно занята ногтями; на Славу Меньшикова она поглядывает иронически. У нее скуластое лицо забайкальской аборигенки, волосы – густые и длинные – собраны на затылке в тугой пучок; ресницы, простите, накладные, лицо на волжском пляже успело загореть так, что белки глаз по-негритянски посверкивают... Костя Варенцов и Миша Сметанин, как обычно, играют в шахматы – счеты у них давние, Миша играет значительно сильнее Кости, но Костя вечно хорохорится и грозит отыграться. Склоненные над шахматной доской их затылки – вихрастые и драчливо напряженные – кажутся совсем ребячьими.

– Они объявили тотальную войну косынке! – не вынимая трубки изо рта, насмешливо говорит в пространство Слава Меньшиков. – Они предпочитают шляпы от Диора...

Возле Галины Чистовой на дерматиновой скамейке действительно лежит крохотная, откровенно пижонская шляпка – то ли самодельное творчество знакомой шляпницы, то ли иностранного происхождения, но шляпа, во всяком случае.

– Зря не балабонь, Слава, – хорошая шляпа! – откликается «Папуля». Так в бригаде прозвали самого «пожилого» слесаря-сборщика и бригадира Андрея Андреевича Зубкова. Папуле двадцать семь лет, он хранит армейскую выправку, на коллег иногда строго, но справедливо и заслуженно прикрикивает, в каждом случае обнаружения брака произносит расчетливо нужную и язвительную тираду, в которой то и дело звучит слово «сачок». Папуля – бригадир, то есть второе, после мастера, руководящее лицо в бригаде.

Мастер Юрий Семенович Хлопов – в голубоватом, специально предназначенном для инженеров и техников халате с изображением ладьи на нагрудном кармане – молча сидит рядом с шахматистами. Подле мастера свободно развалилась на скамье Неля Губанова – коренная волжанка, рабочая косточка, наследница славы и благополучия огромной рабочей династии; росточком Неля отчего-то в свою крупную родню не вышла, фигурка у нее миниатюрная, брови на маленьком лице кажутся нарисованными кисточкой терпеливого китайского художника.

– От такой шляпки не только лошади, автомобили шарахаться будут, – гнет свое Слава Меньшиков. – Клянусь бородой!

– Слава, выбирай эпитеты! – добродушно советует Папуля.

Два неразлучных друга, два земляка-харьковчанина, два отъявленных брюнета – Саша Фотиев и Сергей Уваров – на глазах у всей бодрой и уже веселой бригады спят; без зазрения совести похрапывают, сладко причмокивают толстыми губами, что-то непонятное бормочут в сонном блаженстве... На них Папуля глядит откровенно неодобрительно.

– Добро было бы, – въедливо говорит он, – если бы ночью прогуливались с девчонками, грызли гранит науки или гоняли теннисный мяч, а ведь они, сачки, по семь часов отираются в бильярдной... В игре ни черта не смыслят, кия в руках держать не могут, а, разинув рты, просиживают в бильярдной за полночь. Ах, сачки, ах, чертовы сачки!

Вот почти и вся бригада, в которой мы с утра до вечера торчим ради того, чтобы разобраться в непривычной для писательского уха ученой мудростике... Микроклимат в бригаде, влияние монотонии, то есть однообразности труда человека на конвейере; психология конвейерного рабочего, текучесть рабочей силы, лабильность и регидность, то есть способность индивидуума приспосабливаться к окружающей среде, в данном случае к конвейеру, или, наоборот, полное отсутствие этой способности, при стремлении приспособить среду под себя... Одним словом, черт, дьявол, философия с колокольчиками и разноцветной бахромой... Но больше всего и наиболее дотошно мы интересуемся так называемой престижностью работы, а это выглядит так – ко всем и каждому мы пристаем с вопросом: «Интересно ли вам работать на конвейере? Не гнетет ли треклятая монотония? Не хочется ли выбросить к чертям свинячим шипящий воздухом гайковерт и так далее?»

Нда-а-а! Вокруг высокопроизводительного конвейера и его особенностей в условиях развитого социализма ныне бурлят стра-

сти. Ведь в годы отрочества и юности мы твердо знали, что конвейер – это исчадие ада, что это он, злодей, превращает человека в придаток машины, это он, ненавистный, лишает рабочего возможности числиться в рядах уважаемых рационализаторов и изобретателей... Одним словом, на конвейере в те времена, когда и кибернетика официально признавалась лженаукой, навешано было столько собак, что торчали одни куцые хвосты...

В нашем пузатом портфеле, набитом до отказа заполненными блокнотами, философскими и социологическими трактатами, вырезками из газет и журналов, есть такая вещь, которая не только нас ласково греет, но и подвигает на бесцеремонную настырность в поисках истины... Это статья заместителя редактора журнала «Лави увриер» – органа Всеобщей конфедерации труда Франции. Автора зовут Роже Гибертом (Гарбертом), он поочередно побывал в американском автомобильном городе Лордстауне, где расположены заводы компании «Дженерал», и в Тольятти, где отлично работает теперь всемирно известный ВАЗ. Свою статью Роже Гиберт (Гарберт) начинает полемикой с буржуазной газетой «Фигаро», которая безапелляционно и голословно утверждает: «Советский рабочий, который занят на сборочном конвейере самолетов ТУ, не видит преимущественных отличий своей судьбы от судьбы французского рабочего, который занят на конвейере заводов „Сюд-Авиасьен“... („Фигаро“ от 21 марта 1973 года). Значит, так! Ничем, видите ли, не отличается, хотя сам Роже Гиберт, изучивший пристально существо вопроса, справедливо приходит к выводу, что никакой, даже отдаленной параллели меж Тольятти и Лордстауном провести нельзя, ибо труд на ВАЗе качественно и даже количественно отличается от американского. Ведь вот что пишет Роже Гиберт, проливая воду на нашу мельницу:

«Прославление роли важности труда для коллектива вызывает совсем другой отклик и результат, чем прославление прибыли и ее необходимости...» Это он, объективный человек, имеющий возможность сопоставлять, сравнивать, проводить параллели, вызывает у нас энтузиазм астронома, уверенного в существовании звездного скопления, но еще не нашедшего его... Конечно же, конечно! Советские социологи давно доказали, что в социалистическом обществе оплата труда (при всей ее преогромной важности) зачастую решающей роли, оказывается, в заинтересованности трудом не играет, что из всех преходящих и непреходящих факторов главным являются интересность, занятость, престижность – вот оно, наше кровное! – работы.